

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОГО ИСЛАМИЗМА

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты политико-психологического анализа феномена русских мусульман в контексте современной российской полиментальности и динамики развития российского общества. Авторы обращают внимание на то, что в условиях либеральных реформ в молодёжной среде идет тенденция по инспирированию извне протестных антироссийских религиозно-идеологических умонастроений, имеющих деструктивный характер. Речь идет о формировании такого политико-психологического феномена как русский исламизм при использовании психологической и духовной незрелости бессубъектной части русской молодежи. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. В статье обсуждаются политико-психологические аспекты целенаправленной трансформации сознания русских неопитов с использованием их инфантильности, низкого субъектного статуса и фрустрированной идентичности, что приводит к разрушению и модификации базовых структур национального менталитета в группах социального риска. Делается вывод о том, что транснациональными операторами политического ислама реализуется стратегическая программа по переформатированию идентификационных представлений и установок маргинальной части русской молодежи с целью разрушения русского ментального кода.

Ключевые слова: политика, общество, политик, государство, личность, русские мусульмане, неопиты, исламизация, русский исламизм, русские исламисты.

Review: The paper presents the results of the political and psychological analysis of Russian Muslims in the context of modern transformation of semantic values of the Russian society. The authors draw the attention to the fact that in the course of liberal reforms the formation of the protest anti-Russian ideological phenomena is going on and they have a destructive character. One of them is connected with the processes of islamisation of Russian young people and with such a political-psychological phenomenon as islamism. The methodological basis of the research is the systems approach, the structural and functional, the comparative political approaches, the methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. The article points out the cardinal determination of neophytes' consciousness that is accompanied with the modification of the world model against the background of their infantillism, low subject status and frustrated identity. The authors come to the conclusion that the global operators of political Islam make use of psychological and spiritual predisposition of the marginal part of Russian young people to realize the strategic course on the reformation of their identification ideas and guidelines with the aim to destroy the Russian mental code.

Keywords: neophytes, Russian Muslims, person, state, politician, society, policy, islamisation, Russian islamism, Russian islamists.

К началу XXI века ислам как часть системы глобально-политической полиментальности не только сохранил, но и утвердил свои религиозные представления, ценностные установки и цивилизационные приоритеты среди огромного числа людей. Мусульманство, как и прежде, видит своей целью нести веру в Аллаха всем народам. Доступность и незамысловатость устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических положений, целостная картина мира и общества – все это привлекает к исламу массы людей. Они надеются найти в нем защиту, которая противостоит несправедливости, царящей в современном мире.

С момента своего появления в VII веке и по настоящее время ислам как абсолютное единобожие, исповедует догматы как высшие истины бытия [15], которые императивно побуждают правоверных к безусловному отрицанию антропоцентризма и присущих ему ценностей современного глобального мира. Для мусульман характерно отвержение секуляризма, либеральной демократии, индивидуализма и вседозволенности в общественной, экономической, политической и иных сферах жизни. Так, теоретики Партии исламского освобождения (*Хизб ут-Тахрир аль-Ислами*), которая стремится к созданию всемирного Халифата, считают, что де-

мократия делает творцом законов человека вместо Бога и тем самым является безбожием [12].

Пройдя период небывалого подъёма и времена испытаний к концу XIX в. почти весь мусульманский мир был раздроблен и превращен либо в колонии европейских стран, либо в зависимые от них государства. Ислам всегда стремился играть политическую роль, и борьба против колониализма привела его к небывалой политизации, процесс которой занял почти весь XX век.

В результате антиколониального движения возникает радикальный ислам – *исламизм*, который представляет собой уже не столько религиозно-богословский, сколько *политический* феномен, имеющий *наднациональный* характер. Объектом его экспансии становится не только евроатлантический Запад, но и Россия, где он являет себя *протестным* по форме, *антигосударственным* по идеологическому содержанию, *деструктивным* по целям *антирусским* и *антироссийским* политическим проектом. Стратегическим замыслом этого проекта является трансформация исторически сложившейся российской *полиментальности* в тоталитарно-политический *мономенталитет* посредством конструирования и формирования антироссийской *наднациональной религиозной идентичности*. Не без участия исламистов в последние годы в нашей стране нарастают процессы исламизации русского населения и формирование таких феноменов как *русские мусульмане*, *русские исламисты* и даже *русский национальный ислам*.

Россия, чей политический *modus vivendi* основывается на поликонфессиональном и, как следствие, полиментальном цивилизационном основании, болезненно реагирует на актуализацию напряжений в религиозной сфере. С одной стороны, наблюдается активизация *деструктивных* [7] религиозно-политических групп, с другой – сохраняется потенциал глубинной исторической традиции мирного сосуществования различных конфессий, позволяющий пока избежать конфликтных сценариев.

Русские мусульмане в исламском полиментальном пространстве России

Исламское пространство России всегда отличалось своей ментальной неоднородностью. Во-первых, этому способствовало разнообразие автохтонных российских этносов исповедующих ислам с их традиционной социальностью и духовностью, которые опирались на институт *обычного права*. Во-вторых, их приверженность к разным видам ислам-

ской богословско-юридической школы – *мазхабам*, предусматривающим различия применения на практике тех или иных исламских норм. В-третьих, немаловажную роль в этом играли и продолжают играть конкретно-исторический внутривнутриполитический контекст, связанный с выстраиванием системы предпочтений в государственно-исламских отношениях, когда лояльность к государству является залогом лояльности государства и, наоборот. Наконец, в-четвертых – геополитический фактор с его мощным внешнеполитическим влиянием на формирование нетрадиционных для тех или иных общностей российских мусульман идеологических, политических и духовных ориентаций.

Для понимания логики устремленности этнических русских в изначально чуждое для них исламское ментальное пространство, а также осознания характера трансформации их *ментального кода* [2] важно уяснить носители каких направлений и форм ислама выступают для них в качестве *«галереи референтов»* для подражания [7].

Ветви ислама, получившие распространение в современной России, в том числе и в среде этнических русских, можно соединить в две основные формы – *традиционную* и *нетрадиционную*. В качестве традиционного ислама принято рассматривать, с одной стороны, *тюркско-татарский ислам ханафитского мазхаба*, а с другой – *северокавказский ислам ханафитского и шафиитского мазхабов*, включая *суфизм*.

Несмотря на их российскую традиционность, речь идет о принципиально разных и конкурирующих между собой исторических способах существования ислама в России.

Исламская традиция татар отражает богатую событиями историю российских мусульман, столетиями живших в православной империи. Русские князья и татарские ханы имели многовековые связи, в том числе и родственные еще со времен Золотой Орды. Несмотря на то, что татар считали иноверцами, они всегда были частью внутривнутриполитического пространства страны и считались неотъемлемым элементом российского социума. В силу этого наряду с процессами формирования конструктивно-симбиотической социокультурной полиментальности, происходило складывание общего для русского и тюркского населения страны политического менталитета.

История вхождения в общественно-политическое пространство России мусульман Северного Кавказа имела принципиально иной характер. Присоединение этих территорий к Российской им-

период состоялся в результате Кавказской Войны 1817 – 1864 гг. В этот период у северокавказских этносов сформировалась устойчивая антироссийская установка на сопротивление, которая была окрашена в религиозно-политические тона *газавата*. События конца XX и начала XXI веков показали, что она все еще актуальна. Однако сложность культурной и политической адаптации северокавказских автохтонов к российской системе публичных отношений связана не только с этим. Трудностей добавляет полиментальный характер самого северокавказского общества, а также антагонистичность его сознания вестернизированному вектору современной российской модернизации.

В Российской империи до 1917 года понятие «национальность» отсутствовало. Всех представителей тюркско-татарского и северокавказского ислама было принято называть «русскими мусульманами». Прилагательное «русский» при этом указывало на подданство этих народов. Сегодня граждан России, являющихся по происхождению этническими мусульманами, принято называть «российскими мусульманами».

Вместе с тем категория «русские мусульмане» в последние два десятилетия обрела новый смысл и стала использоваться в отношении *новообращенных* из числа этнических русских и в некоторых случаях в отношении русскоговорящих *неофитов* из числа представителей неисламских народов, как то: украинцев, армян, греков, грузин и т.д. Переход русских собственно в *тюркско-татарскую* или *северокавказские* версии ислама не является массовым и, если случается, то связан, как правило, со следующими причинами:

- в связи с вступлением в брак – в большинстве случаев речь идет о новообращенных женах верующих мусульман, в единичных – о новообращенных мужьях;
- из конъюнктурных соображений социально-экономического характера – такое неофитство встречается среди представителей деловых кругов, а также сотрудников органов власти в регионах с традиционно преобладающим исламским населением;
- обращенные в ислам военнослужащие, вернувшиеся из афганского или «ичкерийского» плена – всего несколько десятков человек на всю страну;
- по идейным соображениям и результатам «духовного поиска» – это молодые люди, которых в исламе привлекает мистический опыт, имеющий место в *суфизме* [19].

На фоне процессов реактуализации традиционного ислама, о своем присутствии в мусульманском пространстве страны заявил другой фактор – *среднеазиатский*. Ворвавшись в российскую действительность на волне массовой миграции гастарбайтеров, он в их лице стал составлять основную массу прихожан мечетей, постепенно замещая собой не только татар, но и северокавказцев. При этом среднеазиатский ислам, учитывая его духовную близость к татарскому исламу, а также историю среднеазиатских обществ в составе российского государства представляется возможным рассматривать в качестве традиционного. Опасность же его «вторжения» связана с тем, что в среднеазиатской среде стремительно, как и она сама, распространяется нетрадиционный, политический ислам – исламизм, ставший еще одним влиятельным деструктивным фактором в России.

Исламизм стал проникать на территорию Северного Кавказа в середине 1980-х годов. В сложных этнополитических процессах середины 1990-х годов он, обладая мобильностью эпидемии, превращался в духовно-идеологическую и политическую платформу религиозно-террористического подполья [22]. Далее стремительно распространяясь по стране, он предъявил вызов не только традиционному исламу, но и самому государству. Именно с ним связывается и большинство известных случаев русского неофитства.

Русские правоверные неофиты как новая ментально-политическая реальность

В России ислам является традиционной религией, второй после православия по численности исповедующей ее населения. При этом процессы ментальной экспансии исламизма вступили здесь в резонанс с *реисламизацией* [17], которая в известной мере была вызвана провозглашением в начале 90-х годов постулатов идеологического плюрализма. Приобщение людей к исламскому вероучению, его системе ценностей и образу жизни вышло за групповые рамки тех, кого принято называть этническими мусульманами. Появились неофиты – новые приверженцы ислама, *новообращенные мусульманы* (от араб. مُسْلِم – «принявший ислам», «мусульманин», «покорный (Богу)»).

Распространение мусульманской религии характерно сегодня для большинства стран Запада. Этнические немцы, французы, англичане, норвежцы и т.д. также как и русские, в том числе русскоязычные армяне, греки и осетины, присоединяются

к новой для себя интернациональной политизированной религии. Практически все неопиты проходят через сложный и болезненный этап ломки и трансформации религиозно-политических представлений, установок, норм, смыслов, ценностей и переживаний. Эти процессы сопровождаются коренными изменениями основ и организации их личной жизни и радикального переформатирования модели мира [4]. Все это требует от них кардинального пересмотра и даже разрушения семейного уклада, естественных связей со сложившимся социально-бытовым, культурно-традиционным и политическим контекстом.

Для России проблема неопитства является более актуальной, чем проблема исламизации страны за счет увеличения численности этнических мусульман, как коренных, так и прибывающих из среднеазиатского региона. Это связано с несопоставимой по значимости для национальной безопасности природой обсуждаемых проблем. Во втором случае речь идет либо об особенностях внутрироссийских демографических процессов, либо о несовершенстве миграционного законодательства. Несмотря на значительное число научных и иных публикаций, посвященных изучению исламистского неопитства, приходится констатировать отсутствие в экспертном политологическом сообществе конвенционального понимания сути этого явления.

Сведения по общему количеству обращенных в ислам русских весьма противоречивы. Итоги Всероссийской переписи населения 2014 г. в этом смысле не могут внести ясность, так как они не содержат статистической информации относительно соотношения религиозной и этнической принадлежности граждан. Оценивая количество русских мусульман, исламовед Р. Силантьев полагает, что можно говорить не более чем о семи тысячах неопитов [19]. По мнению Рената Беккина, число новообращенных русских мусульман будет расти, но едва ли их доля в общем населении страны превысит несколько процентов [3]. Другие исследователи этой проблемы считают, что какие бы цифры не озвучивались, принятие русскими ислама – это не только факт, но и тренд, который будет только усиливаться [18].

Феномен русского исламизма

С появлением исламизма формировалась его сложная и напряженная связь с исламом: каждый исламист – мусульманин, но не каждый мусульманин – исламист [8]. Исламизм, который принима-

ют русские, отличается высокой мотивационной напряженностью, экстремистско-ориентированной установкой и деструктивной активностью своих адептов. Особая роль тут принадлежит фундаменталистскому движению салафий, а также религиозно-политической партии, известной под названием «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», которая признана в России террористической организацией. Русские принимают участие и в других исламистских формированиях, действующих на территории нашей страны, например, таких как «Таблигид жамаат», «Нурджулар» и т.п. [19] Вместе с тем именно первые две являются наиболее «распиаренными» платформами для деструктивного выражения политического и «духовного» протеста психологически дезадаптированной молодежи из числа русских.

Региональным центром, активно распространяющим идеологию салафий, традиционно выступает Северный Кавказ. При этом на его территории действуют не только, как принято считать, вооруженные бандформирования, объединенные в т.н. «Кавказский Эмират» и осуществляющие террористическую деятельность. Распространение получили также различные вариации т.н. умеренного радикализма, объединенные под общим названием «новый» или «внемазхабный» ислам. Несмотря на то, что они не афишируют свою приверженность идеям салафизма, цель их активности столь же ультрарадикальна. Сегодня северокавказские салафитские джамааты действуют по всей стране, в том числе в самых отдаленных северных и восточных районах.

Подпольная деятельность в России «Хизб-ут-Тахрир» также нацелена на активное приобщение молодых людей к исламизму. Организации, как правило, функционируют под видом небольших группячек по пять человек, называемых «халакатами». Они сформированы по типу кружков для изучения основ ислама и коллективного чтения распространяемой внутри групп религиозной литературы. Существование небольших ячеек позволяет сохранять высокую степень конспирации и живучести разветвленной сети экстремистских групп.

Иногда хизбуттахрировцы не скрывают своего присутствия. Так, они могут вывешивать символы организации на лобовые стекла своих автомобилей или устраивать, как это было в Уфе, демонстративные автопробеги с использованием своих флагов и других символов [10].

Идеей, объединяющей исламистов всех направлений, является создание транснационального глобального исламского теократического госу-

дарства – Халифата. Их конкретной целью в России является изменение существующего политического строя посредством ведения против государства религиозно-политической войны – *джихада*, тотальной *шариатизации* всех сфер общественной жизни, а также исламизации максимального количества населения вне зависимости от его этнической и конфессиональной принадлежности. Исламистскими организациями ведется не только активная работа по пропаганде своих идей, но также социальная и политическая мобилизация возможных сторонников.

Современная история ещё не знала более универсального и эффективного инструмента по дестабилизации власти, дезорганизации государственного управления и подрыва основ правопорядка, как в отдельном государстве, так и в мире в целом. Малоуязвимый, малозатратный и относительно малочисленный религиозно-политический экстремизм не только подрывает основы суверенных государств, но и трансформируется в вооруженные конфликты и войны. Потенциальная возможность завладения оружием массового поражения, финансовые ресурсы, сопоставимые с доходами отдельного государства, превращают терроризм в преступление, посягающее на международную безопасность [13].

В России объектом ментально-политической экспансии и первоочередных прозелитических устремлений исламистов является русское население. Это обусловлено следующими причинами:

- во-первых, абсолютным численным превосходством русских в структуре российского социума, что позволяет считать их самым емким источником пополнения новобранцев;
- во-вторых, славянская внешность не привлекает к себе особого внимания со стороны правоохранительных органов и спецслужб, что особенно актуально при подготовке террористических актов и совершении других противоправных действий;
- наконец, в-третьих, сегодня русские – это наиболее *разобценная* и *ментально дезориентированная* общность с *фрустрированной идентичностью* [16], отсутствием идейно-духовных оснований как залога обретения утраченных смыслов жизни. Последнее, делает русских особенно легкой добычей для исламистских организаций, действующих по принципам и технологиям тоталитарных сект.

Активная пропаганда идеологии радикального ислама и вовлечение неопитов в деятель-

ность религиозно-экстремистских и этнорелигиозных террористических групп осуществляется везде, где это только возможно: в школах, ВУЗах, спортивных организациях, ночных клубах, а также в тюрьмах среди заключенных. Часто вербовка осуществляется посредством общения в социальных сетях.

На начальной стадии вербовки ключевую роль выполняют т.н. «коммуникаторы» [6] – харизматические, пассионарные и опытные представители этнических мусульман с деструктивной этикой из числа северокавказских или тюркских диаспор. Со временем активными «коммуникаторами» становятся и сами русские.

Сегодня славянские имена исламистов уже никого не удивляют. Феномен 2000-х «русских ваххабитов» связан с именами Максима Панарьина (Муслима) и Павла Косолапова (Мохаммеда) – исполнителей кровавых терактов в 2004 г. в Москве, когда в результате взрыва в метро погиб 51 человек, а также взрывов на автобусных остановках в 2003-2004 гг. в Краснодаре и Воронеже, унесших жизни 5 человек. Со временем список русских имен существенно расширился.

Одним из центров генерации русского исламизма на Северном Кавказе стал Ставропольский край. Предполагается, что первый русский джамаат был создан здесь бывшим имамом Пятигорской мечети Антоном Степаненко (Абдаллахом), который воспитал не одно поколение русских исламистов.

Уроженец Хабаровского края, переехавший на Кавказские Минеральные Воды в конце 90-х годов вместе с матерью и братом, в возрасте 16 лет Степаненко принял ислам от мусульманина отчима. Свою общину он начал создавать в поселке Иноземцево, там, где и жил. Степаненко ходил по дворам и собирал вокруг себя трудных подростков, выходцев из неблагополучных семей. Вскоре его деятельность распространилась на весь регион: община рекрутировала студентов ВУЗов из городов Пятигорска, Кисловодска, Минеральных Вод, а также из близлежащих сельских поселений.

Несколько десятков последователей «Абдаллаха» продолжили его «дело». Именно из этой салафитской общины вышли террористы-смертники Виталий Раздобудько и его жена Мария Хорошева, подорвавшие себя в дагестанском селе Губден 14 февраля 2011 г. Степаненко и Раздобудько сыграли весьма важную роль в становлении «неудачных» террористов-смертников – Виктора Двораковского (осужден в 2012 г. на 23 года) и Владимира Скирко (тогда же осужден на 6 лет).

За последнее пятнадцать лет русские джамааты проявляли себя и на территории Поволжья [19].

О своей необычной встрече с русскими ваххабитами, но уже на территории Сибири, поведал монах Иоанн (Адливанкин), ведущий специалист Душепопечительского православного центра Св. Иоанна Кронштадтского в г. Москве по проблемам молодежных субкультур, деструктивных культов и религиозного экстремизма. Как рассказал о. Иоанн, он «сидел напротив симпатичных русских ребят, учащихся одного из колледжей российской системы образования в одном российском городе русской Сибири. Их было, кажется, девять, с виду – обычных русских мальчишек, не старше 15 лет. Необычным было то, что все они были ваххабитами... Самый тщедушный из моих собеседников, совсем с виду ребенок, когда узнал, что я был коллегой убитого несколько лет назад в Москве радикальными исламистами священника Даниила Сысоева, за моей спиной отчетливо произнес: «Нужно и этого замочить». Когда я повернулся, поставленная ребром рука у его горла заканчивала демонстрацию того, как это нужно сделать. Я его внимательно рассматривал: у него было наивное лицо... и далеко не наивные глаза, которые он и не думал от меня отвести. Его друзья были с ним очевидно солидарны» [1].

Последовавший за этим разговор священника с родителями подростков ничего не дал. Безразлично внимая его наставлениям, они ответили – «Не пьют, не курят – чего еще?».

Подобные примеры можно продолжать, добавляя в список все новые и новые регионы России. Здесь мы заметим, что большинство ультрарадикальных исламистов русского происхождения к концу первого десятилетия XXI в. были отправлены в места лишения свободы или были физически уничтожены. Но к началу второго десятилетия появилось новое поколение русских исламистов, вызванное к жизни усилиями и активной прозелитской деятельностью т.н. Саида Бурятского – Александра Тихомирова, и других исламистских активистов русского происхождения.

Что же должно произойти в жизни молодого человека, чтобы он принял *такую* веру? И при этом безусловно передал свою и так дефицитную *субъектность* внешней и чуждой ему силе?

Привлекательность и действенность пропаганды радикального ислама в русской молодежной среде в значительной мере связаны с интенсивными переживаниями состояния *социальной фрустрации* большинством неофитов. Негативные

чувствования и умонастроения коренятся в их семейной и бытовой *неустроенности*, персональной *невостребованности*, профессиональной *нереализованности*, *личностного дефицита* и *духовной пустоты*. Нельзя не учитывать и объективный политико-психологический контекст, когда молодой человек сталкивается с равнодушием, унижениями и оскорблениями со стороны представителей власти, коррупцией и беззаконием. В таких случаях закономерными становятся попытки поиска *справедливости*, которые в отсутствие видимых альтернатив приводят к принятию ими чуждых и саморазрушительных форм самоидентификации, проявляющиеся, в том числе и в эксцессах террористически-суицидальной практики.

Многие из *обращенных* ранее злоупотребляли алкоголем и наркотиками, имели устойчивую репутацию «неудачников» и относились к различным *группам социального риска*. Вводимые же в обиход с принятием ислама жесткие запреты на алкоголь, нецензурную лексику, беспорядочные половые связи и т.д. положительно влияют на их самооценку и повышают авторитет среди ближайшего окружения. Подобные психологические, моральные и социальные «бонусы» от нового образа жизни воспринимаются исключительно как «достоинства ислама» [6].

Вместе с тем, все неисламское начинает вызывать у них резко негативное отношение. Формируется психологическая установка на необходимость борьбы со всем, что противоречит новым представлениям, нормам и убеждениям. Чаще всего эта борьба воспринимается как «*джихад меча*», когда он расценивается как вооруженная война против «неверных» (*курф*), «многобожников» (*шикр*) и «лицемеров» (*мурдатт*) [11]. При этом обвиненными в неверии (*такфир*) могут оказаться не только представители других конфессий и атеисты, но и мусульмане, заподозренные в пренебрежении исламскими догматами и традициями. Любое преступление против данных категорий лиц получает среди исламистов безусловное и солидарное одобрение и воспринимается как проявление «высшей доблести на пути Аллаха». Возможность при этом погибнуть самому означает честь стать *шахидом* – т.е. «*мучеником за веру*».

Происходит усвоение новых представлений, образов, символов и понятий, переформатирование картины мира, модификация ценностной матрицы неофита с последующей *интериоризацией* заданных извне смыслов, идентичности, целей жизни и уяснения ментальной этики исламизма

с интенсивными переживаниями «*новой реальности*». Однако эта трансформация не соотносится с процессами естественного и поэтапного становления мировоззрения в контексте этнокультурной, религиозной и политической социализации. Агенты прозелитизма активно используют в отношении *обращаемых*, которым свойственен чрезвычайно низкий *субъектный статус* [14] и неразвитое *идентификационное самосознание*, жесткие суггестивные психотехнологии, которые структурируют сознание неопитов по идеологическим и этическим шаблонам исламизма, формируя у них *аддиктивную* – зависимую модель поведения [27].

Низкий *субъектный статус* неопитов уместно проиллюстрировать результатами исследования профессора Ю.М. Антоняна. Он пишет, что общей чертой многих экстремистов является тенденция к *экстернализации* – поиску источников личных проблем *вовне*. Именно поэтому внешние источники становятся объектами деструктивного поведения. И хотя эта черта не является собственно паранойальной, имеет место *сверхсосредоточенность* на ней. Такая особенность служит психологической и политико-идеологической основой группового сплочения и принадлежит к числу ведущих. Она активно питает ненависть к представителям иных религиозных, национальных и социальных групп, приписывает им самые отвратительные черты, объясняет собственные неудачи только происками, коварством и злобой врагов [22]. Исламовед Р. Патеев обращает внимание на то, что деятельность новообращенных русских экстремистов всегда радикальнее, чем деструктивная практика «этнических мусульман» [11].

По мнению дагестанского эксперта по работе с молодежью З. Махмудова, радикальность русских мусульман имеет чисто психологическую причину, а именно: конфликт между новым исламским сознанием и подсознательным ощущением того, что состояние, связанное с пребыванием в мусульманской религии – для русского ненормально. Как следствие – непредсказуемое поведение, маргинализация и далее по цепочке. «Таких людей можно привести куда угодно», – полагает эксперт. Он также подчеркивает, что русские мусульмане становятся ваххабитами потому, что, будучи далеки от православия, не имеют «прочной духовной опоры» [20].

Бывший муфтий Татарстана Г. Исхаков связал приверженность русских мусульман к радикальным толкам ислама с присутствием в их менталитете отличий, не позволяющих их отождествлять ни

с христианским менталитетом, ни с менталитетом характерным для представителей традиционного ислама. Подобные отличия он объяснил тем, что ислам преимущественно принимает маргинальная часть русской и русскоязычной молодежи, которая *самоутверждается* через отрицание существующего государственно-политического строя, либо ищет и находит банальное средство оправдания своих криминальных устремлений. По его мнению «примеры русских, перешедших в ислам, не слишком обнадеживающие» [5].

Подобная «безнадежность» объясняется тем, что в отсутствие ментального иммунитета исповедание исламизма разрушает этно-религиозные, морально-нравственные и духовно-мировоззренческие начала своих адептов. Поскольку русские с *низким субъектным статусом* и в связи с этим обремененные синдромом *диффузной идентичности* [21] не имеют внятных представлений ни о православии, ни о традиционном российском исламе они становятся ментально уязвимыми перед идеологией исламизма. Именно поэтому своеобразный комплекс неполноценности, связанный с *неисламским* происхождением русские стараются компенсировать показной «*правоверностью*», а «*преданность делу джихада*» – бессмысленной и беспредельной жестокостью по принципу «*массированного возмездия*» окружающему миру в котором они не смогли или не захотели найти достойного места.

Заключительные замечания

На сегодняшний день духовно-мировоззренческие основания русского национального менталитета являются предметом ожесточенной идеологической и политической борьбы. Рассмотренные аспекты процесса радикальной исламизации в молодежной среде демонстрируют не только локальную динамику русского менталитета и ее особенности. Речь идет о *наднациональном исламистском проекте* по качественной трансформации политических представлений и ценностно-смысловых ориентаций русского человека и общества, а значит о деструкции, внутреннем разрыве и реформировании русского ментального кода.

Активность радикальных религиозно-политических организаций, навязывающих альтернативные «*программы решения*» общественно-политических проблем осуществляется в контексте процессов глобализации и в условиях беспрецедентной информационно-психологической войны

против российского общества и государства. Поэтому феномен русских исламистов представляется необходимым исследовать в качестве одного из острых ментальных вызовов, направленных на

подрыв развития нашей страны, которая пытается сейчас искать опоры в отечественных национально-исторических традициях, религиозно-культурном опыте и духовных основах русской цивилизации.

Библиография:

1. Александр Р. Радикальный ислам пустил корни в Сибири и вербует в свои ряды русских подростков / Р. Александр. Дек.23, 2013. URL: // <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/23/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-rossii/728498-radikalnyiislam-pustil-korni-v-sib>
2. Амелеченко С.Н. Структура ментального кода российской культуры как основа целостности ее бытия / С.Н. Амелеченко // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №1 3 (304). – С. 60.
3. Беккин Р. Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард российской уммы // Дружба народов. 2012. № 10. – С. 152-172.
4. Грановская Р.М. Психология веры. 2-е изд., перераб. / Р.М. Грановская. – СПб.: Питер, 2010. – С. 441.
5. Гусман Исахов: «Меня, как муфтия, не радует, что русские принимают ислам. Человек не должен каждый год менять свою нацию, свою религию» // «Портал-Credo.Ru». URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=authority&id=111>
6. Данилова Р.О. Особенности и перспективы профилактики экстремистских проявлений в среде представителей мусульманской молодежи из числа неопитов // Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском федеральном регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи. Материалы региональной научно-практической конференции. 25 июня 2013 г. Пятигорск. – С. 327.
7. Дейнека О.С., Забарин А.В. Психолого-политические основания группового деструктивного поведения // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. URL: www.science-education.ru/120-15837
8. Добаев И. Ислам и исламизм: компаративистский анализ. URL: // <http://evrazia.org/print.php?id=1730>
9. Исламистские организации СНГ: справочник. Обзор действующих в странах Содружества Независимых Государств исламистских организаций: история создания, цели и характер текущей активности. – Минск, 2013. – С. 12.
10. Исламу придётся идти по пути модернизации»: интервью с Ринатом Патеевым // Эксперт, 25 марта 2013 года. URL: // <http://expert.ru/south/2013/12/islamu-pridyotsya-idti-po-puti-modernizatsii/>
11. Косов Г.В. Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политологического анализа / Г.В. Косов. – Ставрополь. 2008. – С. 150.
12. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 4. – С. 31, 54.
13. Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... докт. юридич. наук: 12.00.08 / Павлинов Андрей Владимирович. – М., 2008. – 48 с.
14. Ракитянский Н.М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21-22 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. – М.: РИЦ МГУ им. М.А. Шолохова, 2014. – С. 408-410.
15. Ракитянский Н.М. Рассмотрение исламского менталитета (политико-психологическое эссе) // Международные отношения. 2014. № 2. – С. 299-314.
16. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. Ментально-политическая экспансия исламизма на Северном Кавказе // Геополитический журнал. 2014. № 6. – С. 77.
17. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2014. № 2. – С. 52-70.
18. Романов А. Исламизация России – вопрос времени? / А. Романов. URL: // <http://www.km.ru/v-rossii/2013/03/22/pravitelstvo-rossii/706698-islamizatsiya-rossii-vopros-vremeni>
19. Русские мусульмане сегодня. Мар. 24, 2014 / Внутренняя политика. URL: // voprosik.net/russkie-musulmane-segodnya/
20. Русские мусульмане: чужие среди своих // Georgia Times, 7 сентября 2012 года. URL: // <http://www.georgiatimes.info/articles/80251-2.html>
21. Силантьева М.В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности / М.В. Силантьева // Вестник МГИМО-Университета. 2012. N 2. – С. 173-179.
22. Этнорелигиозный терроризм / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков и др. Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2006.
23. Будаев А.В. Публичная дипломатия в российско-бразильских отношениях. // Политика и общество. 2014. № 2. С. 197-205.
24. Будаев А.В. Присутствие России в Бразилии: «мягкая сила» двусторонних отношений. // Латинская Америка. 2013. № 5. С. 61-65.
25. Филипова Е.И., Филиппов В.Р. CREDE EXPERTO. (Отечественная этнология сегодня и завтра.) // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 3-11.

26. Филиппов В.Р. «Нулевой вариант» в этнополитике – путь к гражданскому равноправию в обществе // Федерализм. 1997. № 2 (6). С. 21-40.
27. Манойло А.В. Национально-государственные модели психологического управления конфликтами. // Обозреватель-Observer. 2008.-№2. – С.118-123.
28. Рубаник С.А. Эрих Фромм о государственно-правовом развитии в современном глобализируемом мире // Политика и Общество. - 2013. - 6. - С. 734 - 738. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.5993.
29. Антонов В.Ф. Правовое регулирование социально активного поведения // Политика и Общество. - 2015. - 5. - С. 579 - 585. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.5.13793.
30. И. Д. Короева Философия взаимодействия власти и народа // Политика и Общество. - 2012. - 4. - С. 18 - 24.
31. Карпович О.Г. Риски и угрозы цветной революции в России // Политика и Общество. - 2015. - 1. - С. 107 - 115. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.1.14141.
32. Зайцев А.В. Диалог государства и гражданского общества, его роль и место в институциональном дизайне публичной политики // Политика и Общество. - 2014. - 12. - С. 1469 - 1478. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.12563.
33. Н. С. Урсу Использование технологий политического манипулирования в СМИ в ходе кампании по выборам депутатов Государственной Думы VI созыва // Национальная безопасность / nota bene. - 2012. - 1. - С. 102 - 105.
34. Севоян Д.Г. К вопросу об основных сферах деятельности национально-культурных автономий // Политика и Общество. - 2014. - 12. - С. 1479 - 1484. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.14087.

References (transliterated):

1. Aleksandr R. Radikal'nyi islam pustil korni v Sibiri i verbuet v svoi ryady russkikh podrostkov / R. Aleksandr. Dek.23, 2013. URL: // <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/23/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-rossii/728498-radikalnyiislam-pustil-korni-v-sib>
2. Amel'chenko S.N. Struktura mental'nogo koda rossiiskoi kul'tury kak osnova tselostnosti ee bytiya / S.N. Amel'chenko // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №1 3 (304). – S. 60.
3. Bekkin R. Russkie musul'mane: zabludshaya sekta ili avangard rossiiskoi ummy // Druzhba narodov. 2012. № 10. – S. 152-172.
4. Granovskaya R.M. Psikhologiya very. 2-e izd., pererab. / R.M. Granovskaya. – SPb.: Piter, 2010. – S. 441.
5. Gusman Iskhakov: «Menya, kak muftiya, ne raduet, chto russkie primimayut islam. Chelovek ne dolzhen kazhdyi god menyat' svoyu natsiyu, svoyu religiyu» // «Portal-Credo.Ru». URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=authority&id=111>
6. Danilova R.O. Osobennosti i perspektivy profilaktiki ekstremistskikh proyavlenii v srede predstavitelei musul'manskoi molodezhi iz chisla neofitov // Osnovnye ideologicheskie ustanovki religiozno-ekstremistskikh organizatsii, deistvuyushchikh v Severo-Kavkazskom federal'nom regione. Formirovanie informatsionnogo kontenta v tselyakh deradikalizatsii molodezhi. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 25 iyunya 2013 g. Pyatigorsk. – S. 327.
7. Deineka O.S., Zabarin A.V. Psikhologo-politicheskie osnovaniya gruppovogo destruktivnogo povedeniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 6. URL: www.science-education.ru/120-15837
8. Dobaev I. Islam i islamizm: komparativistskii analiz. URL: // <http://evrazia.org/print.php?id=1730>
9. Islamistskie organizatsii SNG: spravochnik. Obzor deistvuyushchikh v stranakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv islamistskikh organizatsii: istoriya sozdaniya, tseli i kharakter tekushchei aktivnosti. – Mins., 2013. – S. 12.
10. Islamu pridetsya idti po puti modernizatsii: interv'y u Rinatom Pateevym // Ekspert, 25 marta 2013 goda. URL: // <http://expert.ru/south/2013/12/islamu-pridyotsya-idti-po-puti-modernizatsii/>
11. Kosov G.V. Politicheskaya kontseptsiya islama: problemy tsivilizatsionnogo i politologicheskogo analiza / G.V. Kosov. – Stavropol'. 2008. – S. 150.
12. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. Islamskii mir i islamskie organizatsii v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2013. № 4. – S. 31, 54.
13. Pavlinov A.V. Kriminal'nyi antigosudarstvennyi ekstremizm: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. diss. ... dokt. yuridich. nauk: 12.00.08 / Pavlinov Andrei Vladimirovich. – M., 2008. – 48 s.
14. Rakityanskii N.M. Kontsept i printsip sub'ektnosti v politiko-psikhologicheskikh issledovaniyakh // Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Moskva, 21-22 noyabrya 2014 g. [Elektronnyi resurs]. – M.: RITs MGGU im. M.A. Sholokhova, 2014. – S. 408-410.
15. Rakityanskii N.M. Rassmotrenie islamskogo mentaliteta (politiko-psikhologicheskoe esse) // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 2. – С. 299-314.
16. Rakityanskii N.M., Zinchenko M.S. Mental'no-politicheskaya ekspansiya islamizma na Severnom Kavkaze // Geopoliticheskii zhurnal. 2014. № 6. – S. 77.
17. Rakityanskii N.M., Zinchenko M.S. Politiko-psikhologicheskaya dinamika reislamizatsii Severnogo Kavkaza // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 12. 2014. № 2. – S. 52-70.
18. Romanov A. Islamizatsiya Rossii – vopros vremeni? / A. Romanov. URL: // <http://www.km.ru/v-rossii/2013/03/22/pravitelstvo-rossii/706698-islamizatsiya-rossii-vopros-vremeni>
19. Russkie musul'mane segodnya. Mar. 24, 2014 / Vnutrennyaya politika. URL: // voprosik.net/russkie-musulmane-segodnya/

20. Russkie musul'mane: chuzhie sredi svoikh // Georgia Times, 7 sentyabrya 2012 goda. URL: <http://www.georgiatimes.info/articles/80251-2.html>
21. Silant'eva M.V. Diffuznaya identichnost' – sovremennaya versiya grazhdanskoj identichnosti / M.V. Silant'eva // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. N 2. – S. 173-179.
22. Etnoreligiozniy terrorizm / Yu.M. Antonyan, G.I. Belokurov, A.K. Bokovikov i dr. Pod red. Yu.M. Antonyana. – M.: Aspekt Press, 2006.
23. Budaev A.V. Publichnaya diplomatiya v rossiisko-brazil'skikh otnosheniyakh. // Politika i obshchestvo. 2014. № 2. S. 197-205.
24. Budaev A.V. Pristutstvie Rossii v Brazilii: «myagkaya sila» dvustoronnikh otnoshenii. // Latinskaya Amerika. 2013. № 5. S. 61-65.
25. Filipova E.I., Filippov V.R. CREDE EXPERTO. (Otechestvennaya etnologiya segodnya i zavtra.) // Etnograficheskoe obozrenie. 1993. № 5. S. 3-11.
26. Filippov V.R. «Nulevoi variant» v etnopolitike – put' k grazhdanskomu ravnopraviyu v obshchestve // Federalizm. 1997. № 2 (6). S. 21-40.
27. Manoilo A.V. Natsional'no-gosudarstvennye modeli psikhologicheskogo upravleniya konfliktami. // Obozrevatel'-Observer.-2008.-№2. – S.118-123.
28. Rubanik S.A. Erikh Fromm o gosudarstvenno-pravovom razviti v sovremenno globaliziruемом mire // Politika i Obshchestvo. - 2013. - 6. - C. 734 - 738. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.6.5993.
29. Antonov V.F. Pravovoe regulirovanie sotsial'no aktivnogo povedeniya // Politika i Obshchestvo. - 2015. - 5. - C. 579 - 585. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.5.13793.
30. I. D. Koroeva Filosofiya vzaimodeistviya vlasti i naroda // Politika i Obshchestvo. - 2012. - 4. - C. 18 - 24.
31. Karpovich O.G. Riski i ugrozy tsvetnoi revolyutsii v Rossii // Politika i Obshchestvo. - 2015. - 1. - C. 107 - 115. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.1.14141.
32. Zaitsev A.V. Dialog gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva, ego rol' i mesto v institutsional'nom dizaine publichnoy politiki // Politika i Obshchestvo. - 2014. - 12. - C. 1469 - 1478. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.12563.
33. N. S. Ursu Ispol'zovanie tekhnologii politicheskogo manipulirovaniya v SMI v khode kampanii po vyboram deputatov Gosudarstvennoy Dumy VI sozyva // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. - 2012. - 1. - C. 102 - 105.
34. Sevoyan D.G. K voprosu ob osnovnykh sferakh deyatelnosti natsional'no-kul'turnykh avtonomii // Politika i Obshchestvo. - 2014. - 12. - C. 1479 - 1484. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.14087.